МОСКОВСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК

Собеседник

Моск. церковный Вестник. – 1994 – № 2/99.

Иван Глазунов:

«ВЕРА ДОЛЖНА БЫТЬ СИЛЬНОЙ, и человек — достойным своей веры»

Неисповедимы творческие судьбы, и Иван Глазунов, очевидно, в любом случае стал бы художником. Однако банальная фраза "На детях великих природа отдыхает", к нему, определенно, отношения не имеет. Уже первые полотна, написанные им еще в годы учебы, позволяют говорить о Глазунове-младшем как о рождающемся мастере.

Иван Глазунов нашел свою дорогу в творчестве, но делает по ней лишь первые, быть может, самые трудные шаги. Вершина остается впереди.

Корр. — Илья Сергеевич Глазунов неоднократно высказывался о том, что каждый должен иметь свободу в выборе своего пути в искусстве. Это во многом определяет и мировоззрение, и творческую манеру художника. Можно ли сказать, что вы уже определились в своей манере? Это реализм?

И. Г. — Я считаю, что реализм — это даже не манера, это просто грамотность. Элементарно, также просто, как по-русски писать без ошибок, хорошим литературным языком. Вот это и есть школа. А все "измы" — это как у кого. Самовыражение разных душевных заболеваний, наверное. На мой взгляд, русская икона — самое цельное мировосприятие, мироощущение. Западная реалистическая школа очень сильная, но мне кажется, что она во многом уступает русскому искусству.

Реалистические работы, конечно, нужны, потому что они понятны, доступны. И если мы говорим о высоком реализме, то это прежде всего большая культура. А то, что сегодня порой выплескивается на холст — просто эмоции, больные зачастую. Это уже даже не живопись — просто какие-то действия с красками и холстами. В недавно организованной Ильей Сергеевичем Глазуновым и возглавляемой им Всероссийской Академии живописи, ваяния и зодчества, хотят восстановить именно процесс школы. И нас, своих учеников, заканчивающих сейчас Суриковское, он взял преподавателями. Мы уже работаем, работы много: размах там большой — 5 курсов, еще не было ни одного выпуска.

Корр. — Эта Академия была создана как оплот духовности русской культуры. Значит ли, что она призвана возродить именно национальную школу высокого реализма?

И. Г. — В первую очередь. О высоком реализме стали вспоминать только с начала 90-х годов. А еще несколько лет назад многие, приходя в нашу мастерскую портрета в Суриковском, говорили: "Вам привет от товарища Сталина". Почему-то считалось, что если ты занимаешься реализмом, то ты обязательно из застойной советской эпохи. И такое отношение осталось до сих пор. Но это искусственная подмена понятий, направленная, опять-таки, на то, чтобы отбить интерес к реализму. Социалистический реализм — это не реализм вообще, это реализм пустоты. Умение похоже рисовать руки, ноги и головы еще не означает, что ты — художник-реалист. Под истинным реализмом мы имеем в виду то, что подразумевал Врубель, говоря: "Будить современника величавым образом духа". И приравнивать такой реализм к социалистическому можно, на мой взгляд, лишь по умственной серости или по злому умыслу.

Все равно, любой уважающий себя человек, который заказывая портрет (я часто сталкивался с такой ситуацией), уверяет, что любит Шагала или Кандинского, когда дело до его физиономии доходит, будет в лупу рассматривать, сколько ресниц ему нарисовали. И тут уже заканчиваются рассуждения о разложении цвета, тона и формы.

Говорить о "пике возрождения" национального реалистического искусства, конечно, рано. Хотя какая-то тяга к этому, генетическая, что ли, в народе проснулась.

Корр. — Можно ли говорить о национальном реалистическом искусстве как об искусстве традиционно православном?

И. Г. — У нас сейчас прервались всяческие традиции. Есть много людей, которые чего-то хотят и даже могут сделать. Но я считаю, что прервалась именно культура разговора. Сегодня есть и очень талантливые иконописцы, художники, старающиеся внести лепту в православное искусство. Но нет пока еще ни Нестерова, ни Васнецова. Если говорить об иконе, то, конечно, замечательные есть школы — Московская иконописная школа в Псково-Печерском монастыре, пожалуй, самая известная. Но сейчас все же довольно трудно представить, что православное искусство вдруг расцветет, как это было в начале XX века, когда и новорусский стиль появился, и Владимирский собор в Киеве строился. Это время, наверное, слегка упущено, и упущено из-за того, что в советское время срезан целый пласт культуры: культуры языка, культуры стиля, культуры той же самой школы. Потому сейчас искусство напоминает кустарное производство, что нет большой школы, уходящей корнями вглубь. Но, слава Богу, есть люди, которые пытаются соединить эти разорванные половины. Надеюсь, что у них получится, потому что в Россию надо верить как в страну, из которой свет пойдет по всему миру.

Корр. — Вы человек верующий. А что значит для верующего человека, художника, расписать храм?

И. Г. — Это дело всей жизни, конечно. Как говорил Виктор Васнецов: "Мое искусство есть свеча, зажженная перед ликом Божиим". Хотя его иконы и фрески, работая над которыми, он оставил все дела, труды, мастерскую, еще чувствуется дыхание Византии, все же написаны они в совершенно новом, большом новорусском стиле, вобравшем в себя все лучшее от реалистической школы и, наверное, от канона, от традиционной иконописи.

Конечно, иконопись времен Феофана Грека гораздо выше, чем васнецовская и тех, кто с ним работал. И все же им удалось найти свой язык, чтобы выразить глубокое православное чувство людей, живших в начале XX века. И Васнецов, и Врубель (кстати, Врубелю, известному болезненным самолюбием, Васнецов позволил только орнаменты писать), и Нестеров — все они прошли реалистическую школу, первые, пожалуй, из русских художников XIX века обратили внимание на традицию, вспомнили о настоящем русском искусстве, о его богатейшем наследии, которое, благодаря им, дошло и до нас.

Корр. — Какую икону вам хотелось бы написать?

И. Г. — Я очень люблю архангела Михаила, предводителя небесного войска, чье предстательство сейчас очень нужно, и молитвами к которому надо обращаться. Даже зрительно он вдохновляет на дела великие.

Сегодня, пожалуй, даже больше, чем раньше, нужно, чтобы Церковь вошла в нашу жизнь, в наше непростое, порой страшное, существование. Чтобы спасти Россию, нужно сохранить духовное начало, которое Церковь и должна в жизни и в душе каждого утверждать.

Сейчас многие заигрывают с Церковью. Замечали, наверное, по телетрансляциям: стоят на службах, а по лицам видно, что эти люди абсолютно чужды Православию и все это им нужно только для рекламы. Если сеять не глубоко, это отряхнется потом, как пыль с ног. Но только когда Церковь вновь станет исполином в жизни каждого человека, как это было испокон века, тогда можно будет говорить о возрождении Руси.

Ну, а икона... Чтобы написать икону, конечно, нужно пройти школу. Нужно соблюдать 40-дневный пост перед тем, как икону писать. Нужно получить благословение батюшки. И, конечно, необходимо внутреннее желание приобщиться.

В наше время трудно в иконописи сказать новое слово. Я думаю даже, что надо больше обращаться к уже созданному, и тогда можно написать икону, которая вберет в себя и стиль, и предыдущие формы, и каноны. Когда канон станет для художника образом жизни, тогда и будет новая икона.

Дипломная работа И.ГЛАЗУНОВА «Распни его!»

Корр. — А должен ли живописец обязательно быть верующим человеком?

И. Г. — Каждый человек должен быть верующим. Жаль, что у многих вера отнята, срезана: гражданская война, репрессии, войны и прочее. Конечно, некоторые по памяти, от бабушек и дедушек, имеют уважение, интерес к Православию. Но таких людей все же немного. Мне кажется, что сейчас в России лишь один — два процента людей, подвижнически работающих во имя Божие. Пока не будет общего движения в сторону Православия, ничего не будет. Мы делаем лишь первые шаги, но во многом это пока просто оптический обман.

Все пресекается, хотя внешне, конечно, ничего не запрещено: и в Церковь можно открыто ходить, и репродукциями с икон стены всех кабинетов увешаны в любом учреждении — все равно страшен противовес Православию — "пластмассовая цивилизация", как я это называю — суррогат разных культур, чем сейчас живут Европа и Америка. И хотя в России сильное сопротивление этому, но все равно, воздействие на душу каждого человека велико. И чем сильнее столкновение духовности и псевдоценностей, тем больше людей задумываются и о том, и о другом. Впрочем, столкновения-то особенного уже и нет, потому что пропаганда — как из мусорного ведра — льется, льется... А любого человека проще искусить, чем на путь наставить. И воровать научить проще, и обманывать... Говорят ведь, "мир во зле лежит", и это не пустые слова.

Культура — она страшно искушает и в форму порой облачается утилитарно-легкую, до странности доступную, чтобы и размышлять не нужно было. Это как поселяется в сердце — не вырвешь.

И.ГЛАЗУНОВ. «Девушка в русском костюме»

Корр. — Ваша дипломная работа рассказывает о самой трагической минуте жизни Сына Божия. Христос, Понтий Пилат, ревущая толпа... "Распни его!" Как вы пришли к этой теме?

И. Г. — Дипломная работа, как говорит Илья Сергеевич Глазунов, должна стать последней учебной и первой творческой. И для меня она самая главная из всех, что были написаны до сегодняшнего дня.

Сюжет моей картины отражает один из самых страшных, сложных моментов в истории человечества: чернь отдает на смерть Сына Божия. Во время разных войн, революций, переворотов, которые Россия пережила и переживает, тема Распятия, на мой взгляд, является насущной. Прежде всего мне хотелось изобразить бессловесный диалог Спасителя и Понтия Пилата, ставшего исполнителем "воли масс", как сейчас бы сказали.

"Распни его!" — это слова из Евангелия. Когда Пилат спросил: "Кого хотите, чтобы я отпустил? Варавву? Или Иисуса из Назарета?" Толпа орала: "Возьми его, распни!" Вот это самое страшное место в Евангелии. После этого — Распятие и Воскресение.

Толпа всегда, у всех народов, остается толпой: встречая Спасителя в Иерусалиме с пальмовыми ветками (то, что у нас празднуется как Вербное Воскресение), спустя несколько дней так же истово кричала Пилату "Распни его!" Это вообще для рода человеческого очень типично.

И — одинокий Спаситель, смотрящий с кровавыми слезами на преступления людей, к которым Он пришел как врач душ человеческих. А они вместо того, чтобы соединиться с Ним и увидеть в Нем Бога, от Которого человечество было оторвано тысячелетия, отправили на подлую, жестокую казнь своего Спасителя.

Корр. — Много ваших работ посвящено Русскому Северу и Северной Двине. И, говорят, поездки по России, на Север, в Сибирь, на Дальний Восток вы предпочитаете поездкам за границу?

И. Г. — Когда я стал работать над русским костюмом — я хочу создать книгу по древнерусскому костюму — стало интересно увидеть все это самому. Оказалось, есть еще в России места, где до сих пор в лаптях ходят, отсюда и интерес к Северу. Там есть деревни, в которых сохранился многовековой уклад, которых не коснулось сталинское "великое переселение народов".

И потом, там просто красиво, хорошо этюды писать, Север еще хранит какую-то роскошь, какие-то...

Корр. — Традиции...

И. Г. — Нет, традиций, по-моему, нигде уже не хранят, и на Севере тоже. Однажды мы в одной церкви, где фотографировали фрески, встретились с обаятельным, эдаким русским народным дедом, как будто только что сошедшим со страниц русской классики. Как-то сразу проникаешься симпатией к такому персонажу. А он на самом деле оказался человеком, который церковную колоколню к трактору привязывал. Осталось больше таких людей, к сожалению. Остались богомольные бабушки, которые помнят коллективизацию — ведь это ужас, что творилось! Когда соседи доносили на соседей, чтобы потом получить их дом. А ведь понимали, что тех в лучшем случае куда-нибудь под Красноярск бы увезли. Или когда устраивали субботник, чтобы церковь изнутри закрасить масляной краской и устроить там контору. И вся деревня послушно шла замазывать лики святых, на которых еще недавно ходили молиться. Ну, не вся деревня, а те, кто в живых остался: для этого достаточно из сотни семей десять лучших убрать и девяносто остальных сразу будут стадом. Без духовного ядра. Какая благодатная почва для разного рода миссионеров! Вот и ездят они повсюду, даже по Северной Двине, шоколадки раздают, агитируют...

Корр. — Говорят, что в христианине должно быть великое смирение и приятие всего: ударили по левой щеке — подставь правую. И вообще: не смей роптать против того, что с тобой сделают?

И. Г. — Эту теорию Лев Толстой развил, спасибо ему большое. Хотя он и великий русский писатель, но, как всякий человек, он мог ошибаться. Ошибаться мы все можем, но не надо, чтобы из-за наших ошибок страдали поколения. Об этом тоже можно подумать: имел он право на ошибку или не имел. Ведь не случайно его Святейший Синод от Церкви отлучил.

Мне кажется, что толстовское подставление щек — это философия гнилой интеллигенции. Именно гнилой, потому что речь идет о той интеллигенции, которая своим поведением всегда во всех странах способствовала революциям и общественным катаклизмам, которая на самом деле всеми своими непротивлениями приводит к ручьям, рекам крови, текущим с плах...

Вера должна быть сильной, и человек — достойным своей веры.

Корр. — Какие творческие планы у вас на ближайшее время?

И. Г. — Творческие планы... Вот я мечтаю расписать церковь — это главное, наверное, в жизни. Мечтаю Евангелие проиллюстрировать. Книгу по русскому костюму выпустить. Как она необходима, я понял еще, когда писал картину "Крещение Великого Новгорода": я практически ничего не мог найти по славянскому костюму. Конечно, существуют замечательные издания, шикарные каталоги, но нигде не описывается история костюма, его художественное развитие - то есть нет материала, столь важного для живописца, для художников театра, кино.

Основываясь на археологии, на этнографии, на различных исторических материалах, я хочу проследить именно художественную эволюцию и в то же время незыблемость традиций русского костюма и выстроить ряд образов, которые соответствовали бы тысячелетней эпохе русского костюма. Хотя ему гораздо больше, чем тысяча лет, но уложиться в эти временные рамки, условно, моя задача.

Начало созданию такой книги положено. И, наверное, сразу после диплома я вплотную этим займусь.